

В сфере эмпирического познания мира существует лишь три вида предметов, которые могут быть опосредованы абсолютной ценностью. Это отдельные человеческие личности, человеческие личности в целом и результаты человеческого труда. Отсюда, отмечает Г. Радбрух, существует три различных вида ценности: индивидуальные ценности, коллективные ценности и творческие ценности. Так автор пытается представить право как культурную ценность в трех измерениях.

Для Г. Радбруха право, благодаря одному из составных элементов идеи права — целесообразности, непосредственно связано с различными государственно-правовыми воззрениями, на основе которых он рассматривает с разных точек зрения взаимоотношения между личностью и государством и развивает философско-правовое учение о политических партиях [2, 8].

Можно сделать вывод, что концепция Г. Радбруха о праве как ценности не потеряла своей актуальности в наши дни и является источником творческого развития философско-правовых учений.

1. Мойсеев С. В. Философия права. Новосибирск, 2004.

2. Радбрух Г. Философия права. М., 2004.

Л. Н. Лопатин
Кемерово

КУЛЬТУРА ПОКАЯНИЯ

У всех народов издревле существовала культура покаяния. Считается важным, чтобы человек искренне осознал и признался Богу (обществу) в своей личной вине за состоявшееся негативное действие. Это признание становилось первым шагом человека к исправлению собственной ошибки и как бы гарантировало от ее повторения. Через покаяние индивидуума шло очищение всего общества. Старые люди, получившие в молодые годы воспитание в религиозных ценностных категориях, знают это. Вот почему на вопрос — «Кто же виноват в тяжелой жизни советских людей?», — Мария Игнатьевна Н — 1913 г. р., мудро заметила: «Игнат не виноват, виновата Лизка. Зачем она легла так близко?!» [1].

Судя по этой пословице, русский народ способен на признание собственных ошибок. Интеллигенция, увы, — нет! Разве признали хотя бы преподаватели истории порочность социалистической системы? Ежегодные опросы первокурсников Кемеровского медицинского института из года в год показывают, что у 40-50% сту-

дентов школьные знания российской истории мало чем отличаются от знаний их дедов и отцов. В обобщенной виде они сводятся к тезису об «отсталой», «полуколониальной» царской России и социализме, «вырвавшем народ из нищеты». Учителя (как и многие преподаватели вузов) настраивают молодежь не на конструктивную перспективу, а на ретроспективное ориентирование, внушая — «раньше лучше было».

Без глубокого осознания собственной вины за прошлое, у людей не формируется ответственности за настоящее. Значит, минимизируется перспектива демократизации общества, которое подверглось глубокой нравственной деградации в годы тоталитаризма. Этого осознания в России, в отличие от послевоенной Германии, не наблюдается. Покаяние оказалось настолько не востребовавшейся идеей, что ни одна политическая партия постсоциалистической России даже не ставила вопроса об этом.

Утвердилось мнение (к сожалению, не только на обыденном уровне) о виновности в насилии власть предержащих и якобы безвинности самого народа. Это заблуждение. Советская и международная практика политического насилия показывает, что оно осуществлялось властью через само население. Очередная затея власти обычно облекается в форму общественной инициативы. В обществе всегда можно найти доверчивых людей и людей с удобными наклонностями. Они-то и реализовывали мероприятия власти (одни — искренне, другие — корыстно). Скажем, не чекисты (как символ насилия в России) грабили помещичьи имения и разрушали церкви, не они организовывали колхозы и составляли списки раскулаченных. Это делали сами крестьяне. Не чекисты выслеживали крестьянку, несущую с поля за пазухой горсть зерна голодным детям. На нее доносили соседи.

Не гестаповцы составляли списки людей на уничтожение «для транспорта на восток» в варшавском или терезинском еврейском гетто, а «собрания старейших» из евреев, как органы самоуправления. Оставшиеся в живых жители гетто, утверждали, что власть в виде нацистов они не наблюдали. Ее реализовывали выходцы из их же среды. Для международной общественности сами же евреи и создавали «потемкинские деревни» в виде еврейских театров, школ, оркестров, создавали фильмы о благополучной жизни в гетто. В условиях тотального политического насилия люди активно организуются на самоуничтожение.

Не такие ли «деревни» создавали советские писатели и журналисты, художники и композиторы, драматурги и кинематографисты, историки и философы, учителя и юристы, изображая изобиль-

ную, свободную и радостную жизнь советских людей. Землянки, «пайки», голод, массовые репрессии, раскулачивание, «спецпереселенцы», массовый этнический терроризм, доносы, колючая проволока за 20 минут опоздания на работу или невыполнение нормы трудодней, — вот действительное содержание социальных реформ в СССР 20-40-х годов для рабочего класса и крестьянства. Сталин в 1937 г. лишь фразу обронил о том, что «жизнь стала лучше, жить стало веселее», а армия интеллигенции нескольких поколений усердствовала в доказательстве ее правдивости. Такого колоссального возвеличивания тирана Сталина не состоялось бы без политического приспособленчества интеллигенции. Как, впрочем, — и Гитлера, и Муссолини, и Мао, и пр.

Интересно, что российские политологи не дали оценку таким действиям народа как вполне безответственным и легкомысленным. Видимо, над учеными давил марксистский постулат — «народ всегда прав». Этот постулат можно принять. Но принять лишь как признание того, что в советском тоталитаризме своя доля вины у каждого гражданина СССР: у генерального секретаря — своя, у шахтера — своя. И за эту вину необходимо покаяться как одного, так и другого. Смысл этого покаяния заключается: а) в признании порочности социалистической системы; б) определении и признании (не обязательно публичном) доли личной вины за него; в) недопущении подобного ни для себя, ни для общества и страны в целом.

Надо согласиться с утверждением философа И. К. Пантина, сказанное (но не услышанное) еще десять лет тому назад, что свержение тоталитарного режима в августе 1991 г. означало не эпилог борьбы, а скорее пролог новой борьбы, главным содержанием которой уже стало не противопоставление тоталитаризма и демократии, а выбор типа политической и социальной эволюции страны. [2]

1. В 1994—1999 г. был проведен опрос бывших колхозников 1903-1934 гг. рождения. В 2001 г. опубликованы 93 таких углубленных интервью на сайте «Пушкинская библиотека» (www.auditorium.ru/books/477/doc_15.htm). Интервью со 149 респондентами подготовлены отдельной книгой (600 стр.). Книга не опубликована в связи с отсутствием у авторов (Л. Н. Лопатина и Н. Л. Лопатиной) средств на ее издание.

2. И. К. Пантин. Посткоммунистическая демократия в России. // Вопросы философии. 1996. № 6. С. 36.